Г.К. Варданянц

ПРАВОВАЯ РЕСПУБЛИКА КАК СОЦИОЛОГО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Российский политико-правовой порядок за последние 20 лет пережил целый ряд трансформаций. Сложившийся формат взаимодействия «государство–общество» во многом отличается как от поздней советской (1985–1991), так и от постсоветской (1991–1999) модели. Если советский государственно-правовой механизм, настроенный на формирование «дисциплинированного» народа, даже в последние годы своего существования опирался на тоталитарные принципы формализации общественных отношений, то постсоветский политико-правовой режим, напротив, выступая системой защиты корпоративных интересов отдельных социальных групп, создавал тем самым благоприятные условия для повышения конфликтогенности и разобщенности российского общества.

Сегодня политико-правовой порядок подвергается реформированию по формуле, которую когда-то описал В. Соловьев: «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»[1]. Впрочем, не следует спешить с восторженными оценками происходящих изменений. Свобода слова, совести, предпринимательства, многие другие права и свободы действительно нашли свое отражение и защиту в официальной политико-правовой доктрине. Однако отсутствие единого, общепринятого цивилизационного вектора развития, коррумпированность чиновничьего аппарата и «лоскутная» структура правового сознания свидетельствуют о том, что государственно-правовое устройство современной России во многом еще носит характер переходного.

Так, современная законодательная практика зачастую приводит к правовому волюнтаризму советского образца, когда право формируется лишь на основе здравого смысла законодателя, подчас не имеющего ничего общего с реальными потребностями общества и, как следствие, не находящего в общественном сознании ничего кроме возмущения и протеста. Отсутствие отработанных механизмов социальной амортизации правовых изменений ведет

[1] *Соловьев В.* Соч.: В 2 т. Т. I. С. 450.

к трансформациям правового сознания россиян. Происходит правовая ресоциализация, а подчас и десоциализация общественного сознания, правовая система перестает восприниматься как основной механизм разрешения социальных конфликтов в обществе и вновь становится лишь механизмом социального управления.

В экономической науке хорошо известно и широко используемо понятие экономического равновесия, означающее состояние экономической системы, характеризуемое сбалансированностью, уравновешенностью двух разнонаправленных факторов, например, спроса и предложения, доходов и расходов и т. д.[1]. «Любая правовая система находится в состоянии эквилибриума, реализуя требования, предъявляемые к обществу, государству и праву»[2], – писал *Л. Фридмен*. Действительно, правовая система, будучи общественной подсистемой не меньшего социального значения, а порой, куда большей социальной сложности, чем экономическая, также находится в состоянии латентной нестабильности: каждую минуту происходит нарушение субъективного права, влекущее возникновение специфически правового интереса – требования защиты права, каждый час проходит работа по защите нарушенного права правоохранительными органами, каждый день совершаются социально значимые действия, направленные на принятие законодательных и иных правовых актов.

Сказанное позволяет определить стратегическую научную проблему отечественной социологии права – *устойчивость, сбалансированность правовой системы Российской Федерации*. Учитывая в своей деятельности закономерности функционирования правовой системы и социального генезиса права, законодатель мог бы уберечься от справедливой критики, обеспечив общество тем правом, в котором само общество испытывает спрос. А. Смол и Д. Винсент писали: «Социология родилась из современной страсти к улучшению общества»[3]. Можно сказать, что социология права родилась из вечной страсти человека к улучшению правового порядка, и именно социальный генезис, или социальная причинность права, стала основным, главным предметом ее изучения.

---

[1] См. напр.: *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М., 1996. С. 266.

[2] Цит. по: Проблемы буржуазной теории права / Отв. ред. Н.Н. Разумович М., 1981. С. 143–144.

[3] Цит. по: *Козер Л.* Функции социального конфликта / Пер. с англ. М., 2000. С. 36.

Сегодня право ставится на одно из первейших мест в ряду системообразующих социальных институтов нашего общества. Так, в выступлении на церемонии вступления в должность Президента России 7 мая 2008 г. в Московском Кремле Д.А. Медведев акцентировал внимание на фундаментальной роли права, «…на котором основывается и наше государство, и наше гражданское общество. Мы обязаны добиться истинного уважения к закону, преодолеть правовой нигилизм, который серьезно мешает современному развитию».

Итак, приведенные выше доводы позволяют утверждать, что актуальность проблемы эффективности правового регулирования сегодня не подвергается сомнению. Более того, сферы правового регулирования и правового сознания нуждаются в системном реформировании. Ключевую роль в этом процессе должна сыграть социология права. «Мы полагаем, – отметили В.П. Казимирчук и В.Н. Кудрявцев, – что социологический подход – гносеологическая основа выведения социальных закономерностей правового феномена»[1].

Понятие «эффективность права» широко употреблялось в советской юридической литературе; однако единства взглядов по вопросу, что следует понимать под эффективностью правовых норм, выработано не было. Как правило, понятие эффективности права связывалось лишь с такими результатами его действия, которые полезны для общества[2]. Впоследствии эффективность права стала трактоваться как «средство руководства обществом, выражаемое как отношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы как результативность его действия»[3]. Иными словами, критерием эффективности стала выступать цель правового регулирования[4]. Крайностью в подобной трактовке эффективности права являлось толкование эф-

---

[1] *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права. М., 1995. С. 13-15.

[2] См.: *Пашков А.С., Чечот Д.М.* Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3.

[3] *Самощенко И.С., Никитинский В.И.* Некоторые проблемы методологии изучения эффективности правовых норм // Проблемы социологии права / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чяпас. Вып.1. Вильнюс, 1970. С. 37.

[4] См.: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирование в социалистическом государстве. М., 1966. С. 49.

фективности «не просто как достижение целей, лежащих в основе соответствующих норм, а лишь как оптимальное решение данной задачи»[1]. Еще большей крайностью было понимание эффективности права как оптимального достижения поставленных целей с минимальными затратами материальных средств, человеческой энергии и времени[2]. При таком подходе об эффективности говорится скорее не как о соотношении между целью и результатом соответствующего правового предписания, а как о соотношении между достигнутым результатом и применяемыми для его достижения средствами, что ведет к отождествлению эффективности правового регулирования с эффективностью управленческого воздействия; очевидно, это ошибочная позиция.

Учитывая, что «эффективность» происходит от латинского слова «effectus» (исполнение, действие), означающего результат, следствие каких-либо причин, можно утверждать, что эффективный – это дающий эффект, приводящий к нужным результатам, отсюда эффективность – это результативность. Таким образом, критерий эффективности – это мерило результативности целенаправленного действия. Как справедливо указывала В.В. Лапаева, «трактовка права лишь как средства достижения экономических, политических, идеологических и т. п. целей.., по существу, означает недооценку самостоятельности и социальной ценности права как особой формы социальной регуляции. *Ведь право – это не просто инструмент достижения целей. Оно является той формой, которая опосредует эти цели, придавая им правовой характер. Причем право, как и всякая форма, выступает здесь в качестве ограничителя, поскольку цели социального содержания могут быть признаны правом лишь в той мере, в какой они не противоречат смыслу и принципам самого права*. Эта специфика права… накладывает своеобразный отпечаток на процесс правового регулирования как особого вида социальной регуляции»[3].

Существовало мнение, что под эффективностью права следует понимать «совокупность всех реальных изменений, последствий,

---

[1] *Смирнов О.В.* Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968. С. 30.

[2] См.: *Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е., Шмаров И.В.* Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М., 1968. С. 65.

[3] *Лапаева В.В.* Кибернетика и правоведение: теоретический аспект междисциплинарных связей / Кибернетика и право: Сб. мат. методологич. семинара / Редколл.: Д.А. Керимов и др. М., 1984. С. 39-40.

которые возникают в объективной действительности в результате осуществления закона»[1]. Были и такие авторы, которые говорили об эффективности не только принятых, но и подготавливаемых правовых актов[2]. Существовала даже позиция, согласно которой «проблема исследования эффективности правовых норм может быть сведена, в частности, к тому, чтобы установить, в какой степени действующие правовые нормы входят в структуру личности индивида»[3]. Таким образом, норма, не «наблюдаемая» в структуре множества личностей, должна была, по идее, быть признана неэффективной, однако не указывалось, какими последствиями обернулось бы отсутствие такой нормы в структуре отдельных граждан для них самих.

Как справедливо указывает С.Л. Сергевнин, если исходить из понимания права в русле нормативной («узкой») концепции, сводящей право к системе норм, то «…исследуемая эффективность права будет ограничена лишь выяснением эффективности норм права. Но вполне вероятна такая ситуация, при которой та или иная норма… социально не обусловлена. В этом случае… исследованию будет подвергнуто формальное положение закона, фактически недействующая норма. Но ведь ясно, что изучать эффективность… социально не способных к действию, к реализации в субъективных правах норм значит фактически изучать неэффективность последних. Положение может осложниться еще и тем, что на основании подобных «исследований неэффективности» могут быть сделаны соответствующие искаженные практические выводы»[4].

Со всей очевидностью прав В.Н. Кудрявцев, считая, что «анализ социальной эффективности права тесно связан с изучением его социальной обусловленности. Между этими двумя явлениями

---

[1] Это мнение выражено П.М. Рабиновичем в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Социалистическая законность и целесообразность в советском праве». М, 1966. С. 177.

[2] См.: *Лебедев М.П.* Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 31.

[3] *Никитин В.Б., В.В. Орехов, Л.И. Спиридонов, Фомин Э.А.* О возможном подходе к исследованию эффективности правовой нормы / Проблемы социологии права. Вильнюс. 1970. С. 90-94.

[4] *Сергевнин С.Л.* Социология права: теория и конкретные исследования // Логические и математические методы в правовой теории и практике: Межвуз. Сборник / Отв. ред. Н.А. Чичерина Л., 1989. С. 13–14.

существует тесная двусторонняя связь. Если та или иная норма права не вызвана требованиями жизни, вряд ли можно рассчитывать на то, что ее применение даст желаемый результат. Вместе с тем только на основе изучения эффективности действующего законодательства можно внести полезные предложения о его дальнейшем совершенствовании»[1].

Как писал Л.С. Явич, «…в несоответствии между реальными правоотношениями и юридическим законом (который не обязательно прямо, формально нарушается – его могут молчаливо обходить, к нему могут редко прибегать и т. п.) заключается одна из непосредственных причин малой эффективности некоторых видов правового регулирования. Конечная причина может быть различной, в том числе и отставание закона от состояния экономического развития, что сразу отражается на правоотношениях. Впрочем, нормативно-правовой акт может и недопустимо обгонять реальные общественные отношения или просто их произвольно не учитывать. Результат будет тот же – такой акт малоэффективен»[2].

Таким образом, нельзя утверждать, что норма права, не имеющая социальной обусловленности, неэффективна; она может быть вполне удачно применяема. Однако эффективность правовой нормы не означает эффективности правового регулирования, поскольку эффективность нормы не влечет за собой социальности самого права; и только «социальное» право может быть эффективным. Нельзя говорить об эффективности права, как нельзя говорить об эффективности продукта. Право – продукт, который призван решить проблему социального синтеза (синергии) общества как коммуникативного (социального) пространства. Право на бумаге – лишь произведение юридического гения человека; и лишь воплощаясь в правоотношениях, данное произведение становится частью более общей нормативной системы. Таким образом, понятие эффективности права означает не только «желательный результат на практике», что является целью правового регулирования, но и эффективное изучение «требований жизни», «социальной обусловленности права».

---

[1] *Кудрявцев В.Н.* Право и социальная действительность / Проблемы социологии права / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чяпас. Вып.1. Вильнюс, 1970. С. 9–12.

[2] *Явич Л.С.* Сущность, содержание и форма в праве / Методологические проблемы советской юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1980. С. 40-41.

«Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом как, например, формы растений связаны с растениями»[1], – подчеркивал К. Маркс. Как отмечает Д.М. Чечет, «в силу тесной связи, существующей между материальным и процессуальным правом, эффективность последнего может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на эффективность норм материального права, которые применяются в ходе осуществления правосудия»[2]. Более того, правосудие может самостоятельно формировать право. В частности, «деятельность Верховного суда (США. – *Прим. авт.*), в результате которой федеральные и штатные законы, а также акты исполнительной власти могут быть признаны противоречащими конституции и превратиться в "голое право", нередко называют "негативным правотворчеством". Но вместе с тем, в ряде случаев, наряду с "негативным правотворчеством" (отменой закона) или без такового (при признании закона конституционным) присутствует и "позитивное" правотворчество – создание новой конституционной нормы, что, собственно говоря, и превращает Верховный суд в "постоянно действующий Конституционный конвент"».

Таким образом, судебная система – это социальный институт исключительной важности, который в вопросе достижения моральной интеграции общественного пространства социальной реальности призван решать задачи обеспечения эффективности правового регулирования. Сильная судебная власть призвана служить «социальным преобразователем» прямого государственного социального контроля.

Правовое государство означает не просто верховенство права, но и универсальность права с точки зрения социального контроля. Правовая республика – это государство не просто демократического режима, но политическая система, обеспечивающая социальный синтез общественного пространства социальности. Синтез общества, достижение морального единства возможно лишь в случае действенности и универсальности права как социального интегратора макроуровня. Подобную универсальность праву может обеспечить лишь система правосудия.

---

[1] *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 158.

[2] *Чечет Д.М.* Выявление эффективности некоторых гражданско-процессуальных норм с помощью социологических методов // Проблемы социологии права. С. 82.

Таким образом, главной ветвью власти среди законодательной, исполнительной и судебной в правовой республике становится именно судебная. Концепция правовой республики требует, чтобы глава государства, верховный главнокомандующий, возглавлял главную ветвь власти. Без централизации мощи государственной власти вокруг системы правосудия справиться с чрезвычайно высокой конфликтогенностью российского общества будет крайне затруднительно. В связи с этим можно отметить, что спор относительно места Президента РФ в системе разделения властей мог бы быть закрыт, если бы была выбрана наиболее оптимальная для России форма правления – правовая республика, подразумевающая именно судебные властные полномочия Президента.